



**ОЛЕГ КИСЕЛЕВ:
—И ВОТ ТЕПЕРЬ
МЫ ЖИВЕМ
С ЧУВСТВОМ
ПОЛНОТЫ
СВАЛИВШЕГОСЯ
НА НАС СЧАСТЬЯ.
ВЫСТУПАТЬ НА
ТАКОЙ СЦЕНЕ —
ОБ ЭТОМ МОЖНО
БЫЛО ТОЛЬКО
МЕЧТАТЬ!**



**НА СНИМКЕ: Олег Киселев
и его друзья.
Фото А. АСТАФЬЕВА.**

★ ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА

РАБОТА НАЧИНАЕТСЯ С «КАНИКУЛ...»

Моск. комсомолец, 1986, 27 дек.

ТАКОЕ произошло впервые. Даже самые завязтые театралы не помнят ничего подобного. На сцене одного из ведущих театров столицы — любительская студия. И не в виде исключения, так сказать, «в гостях у богатых родственников», а на равных правах с «хозяевами» — со своей труппой, режиссером, спектаклем... Но начнем все по порядку.

В этот день в Драматическом театре имени А. С. Пушкина все было как-то не так. И сам день непривычный — понедельник (в театре выходной), и время начала спектакля — 22.00, и название чудное — «Каникулы Пизанской башни», да и актеры какие-то незнакомые, и сам жанр необычен... Однако аншлаг, овации... Участники студии пластической импровизации под управлением Олега Киселева к такому вниманию, да еще и на такой сцене, явно не привыкли. Есть в их игре какая-то свежесть, какой-то мощный внутренний эмоциональный заряд... Впрочем, о самом спектакле — разговор отдельный. Скажем только, что успех этот обоюдный — и студии, и театра...

Они познакомились двадцать лет назад на первом Все-союзном фестивале студенческих театров. Олег Киселев был студентом Новосибирского театрального училища и участвовал в спектакле студенческого театра сатиры, а Борис Морозов был студентом Челябинского политехнического института и играл в студенческом театре «Маненен». Много воды утекло с тех пор, многое изменилось... Каждый из них пришел к дню сегодняшнему своей дорогой. Морозов закончил в Москве театральный институт и стал главным режиссером театра имени Пушкина; Киселев работал в любительских театрах-студиях, а в этом году собрал все главные призы на фестивале любительских театров «Игры в Лефортове».

— Встреча на фестивале в Лефортове, — рассказывает Борис МОРОЗОВ, — дала импульс для нашего сотрудничества, которое сейчас только начинается. Решено, что студия Киселева будет работать на нашей сцене по понедельникам на совершенно официальной основе.

Сейчас решается вопрос о том, чтобы оформить всех ее участников на разовые договоры...

— Выигрываете ли вы что-нибудь от этого или все делается чисто из благих побуждений?

— Конечно, для театра есть выгода. Прежде всего нужно сделать так, чтобы подобное сотрудничество было оправдано финансово. В следующем году билеты на спектакли студии пластической импровизации будут продаваться в театральных кассах, как и на другие наши работы... Но самое главное, из-за чего, собственно, мы и пошли на такое сближение, — это прежде всего несомненная польза для актеров нашей труппы. Сейчас много говорится об изменении театральной стилистики, о смешении жанров, новых формах... Но зачем говорить и пробовать наугад, когда существуют коллективы, которые давно уже работают в нетрадиционных направлениях?

— Но ведь пустить на свою сцену «чужаков» — поступок не только благородный, но и рискованный, например, представьте себе, что на Олега Киселева будет постоянный аншлаг, а ваши спектакли будут пользоваться меньшим успехом.

— Во-первых, я не думаю, что так случится. Театр сейчас много работает, планируется ряд, на мой взгляд, очень интересных премьер, среди которых спектакль по пьесе Михаила Булгакова «Адам и Ева», Радаинский сам должен будет поставить на нашей сцене «Продолжение Дон Жуана», а в ближайшем будущем пойдет очень острый спектакль «Бюст» по пьесе Серкова и Кучерова, и другие работы...

Во-вторых, мы работаем с Киселевым вместе. Будем вместе ездить на гастроли, делать спектакли... А лучше всего — поговорите с самим Олегом.

Говорит **Олег КИСЕЛЕВ**, руководитель студии пластической импровизации:

— Самое потрясающее — это то, что мы оказались под крышей Пушкинского театра. Ведь очень часто люди, создавшие что-то свое в нашем жанре, уходят потом в какую-нибудь концертную организацию и далее

существуют лишь на уровне эстрады. А сам жанр, на мой взгляд, гораздо ближе к театру и рассчитан на более глубокое, внимательное восприятие, чем у зрителей на сборных концертах. Ведь эстрада, при всем моем к ней уважении, — порождение потребительского восприятия. «Пусть я через пять минут забуду, но сейчас я должен хохотать». Какая уж тут сопричастность к происходящему на сцене!

И вот теперь мы живем с чувством полноты свалившегося на нас счастья. Ведь работать на такой сцене, а не по полуподвалам, да еще и при такой отеческой поддержке, помощи и понимании, которые мы получаем, — об этом только мечтать можно было!

— Ваш коллектив называется «Студия пластической импровизации». В чем же заключается ваша импровизационность?

— Пока что импровизирую только я. В качестве и режиссера, и драматурга... Ребята же, занятые в спектакле, — все любители. Двое из них — студенты театральных училищ. В этом составе мы существуем всего полтора года. Конечно, работы еще непочатый край...

Но вы не представляете себе, что значит в условиях театрального эксперимента такой синтез любительского и профессионального театров! Насколько он важен для всех — и для актеров, и для зрителей, и для всего театрального процесса в целом!

Е. ФЕДОРОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. На съезде театральных деятелей было сказано много умных и правильных слов по поводу оценки нынешнего театрального процесса. Было вынесено на обсуждение большое количество интересных и нужных предложений. И вот — первые эффективные шаги уже сделаны в драматическом театре имени А. С. Пушкина. Здесь «перестройка» и «эксперимент» не просто модные слова — это реальное дело. А как же другие театры? Товарищи главные режиссеры, присоединяйтесь! Давайте использовать сцены разумно и к всеобщей выгоде. Первый пример уже есть.